

СО ВСЕМИ И НИ С КЕМ

КНИГА О НАС —
ПОСЛЕДНЕМ ПОКОЛЕНИИ,
КОТОРОЕ ПОМНИТ ЖИЗНЬ
ДО ИНТЕРНЕТА

МАЙКЛ ХАРРИС

Оглавление

[ПРОЛОГ]	Он покажет тебе все	9
[ЧАСТЬ I]	Труба зовет	13
[ГЛАВА 1]	Одно убивает другое	15
[ГЛАВА 2]	Современные дети	35
[ГЛАВА 3]	Исповедь	61
[ГЛАВА 4]	Общественное мнение	86
[ГЛАВА 5]	Подлинность	108
[ЧАСТЬ II]	Побег	125
[ГЛАВА 6]	Внимание!	127
[ГЛАВА 7]	Память (добросовестная ошибка)	151
[ГЛАВА 8]	Как избавиться от зависимости	179
[ЭПИЛОГ]	Что ждет нас впереди и что мы оставляем за спиной	205
[СЛОВАРЬ]		209
[БЛАГОДАРНОСТИ]		214

ПРОЛОГ

Он покажет тебе все

Малайзия, 1996 год

Населенный пункт Бату Лима находится в глубине тропических лесов Восточной Малайзии приблизительно в трех милях от ближайшей деревни. Стоящие на сваях лачуги с бамбуковыми полами к моменту начала нашего рассказа были покинуты жителями и частично разобраны. Оставалась всего одна семья — Сиандим Гунда, Джими Синтинг и их двенадцать детей. Одна из дочерей, четырнадцатилетняя Линда Джимми, готовилась к отъезду.

В комнате стоял старый ящик на четырех низких ножках, а на нем — черно-белый телевизор. Электричества в поселке не было, и Линда собирала в джунглях дрова, чтобы топить кухонную плиту. Но по большим праздникам ее отец брал автомобильный аккумулятор, шел в деревню и заряжал его, после чего семья могла какое-то время смотреть телевизор. Линда увлекалась «Улицей Сезам», этим совершенно бессмысленным, но восхитительным фильмом с американскими детьми и марионетками*, болтавшими на упрощенном английском и игравшими в свои непонятные игрушки.

* «Марионетт-шоу» — англо-американская телевизионная юмористическая программа, созданная Джимом Хенсоном. Выходила в 1976–1981 годах. Основные действующие лица — куклы-марионетки. Первоначально они были персонажами детской программы «Улица Сезам». Впервые слово puppet было употреблено в 1956 году и, видимо, образовано из слов marionette и puppet («марионетка» и «кукла»). *Прим. ред.*

[10]

Большая Птица была желтой — это Линда усвоила твердо. У детей в деревне имелись электричество и цветные телевизоры, деревенские все время хвастались этим. Линда говорила им: «Я знаю» — и хвалилась, что у них дома тоже цветной телевизор.

«Улица Сезам» сбивала с толку, но семья Линды верила в духов и призраков, и мелькавшие на экране привидения прекрасно вписывались в магию чудес.

Еще более магическим был предмет под названием «комбуронго», которым орудовала Сукат, бабушка Линды. Девочка никогда не прикасалась к этому священному предмету, боясь разгневать духов и заболеть, но она видела, как бабушка колдует с этой связкой зубов и мелких косточек разных животных. Сукат, имевшая право безнаказанно прикасаться к комбуронго, могла общаться с духами предков и умела их вызывать, чтобы лечить людей племени дусун.

Прежде, когда в поселении жили люди, Линда видела, как ее бабушка лечила ребенка от лихорадки. Это действие почти не требовало ритуала, поэтому бабушка не стала облачаться в одежду боболиана (высшего священнослужителя) — она была в простом саронге* и блузке с длинными рукавами. Сукат водила комбуронго над головой больного ребенка, трясла зубами и костями целых пять минут, пока ребенок потел в своей колыбельке. Бабушка велела духам исцелить ребенка, и духи потребовали за это жертву — курицу или несколько чашек риса.

Все знали, что свои волшебные способности Сукат передаст своей дочери, матери Линды. Но бабушка умерла слишком рано, а мать Линды, как и многие малайзийцы, перешла в католицизм. Когда семья наконец покинула Бату Лиму, мать оставила дома все колдовские принадлежности.

Линда тоже покинула свою малую родину, расставшись с мифологическим прошлым Малайзии. Ей хотелось чего-то большего, хотя она и не знала, как оно выглядит. В восемнадцать лет девушка

* Саронг (или сарунг) — традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Представляет собой полосу цветной хлопчатобумажной ткани, которая обертывается вокруг пояса (или середины груди у женщин) и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток наподобие длинной юбки. Распространен в Бангладеш, Камбодже, Малайзии, Мьянме, Индии, Индонезии, Полинезии. *Прим. ред.*

ушла из дома и переехала в город Сабах (настоящую столицу с двумя тысячами жителей). Там она устроилась на работу в закусочную KFC (такое же заведение, как в Америке, но с более низкой зарплатой). Несколько месяцев пришлось сильно экономить, прежде чем она смогла купить мобильный телефон, свое первое и на тот момент единственное сокровище. Ей очень хотелось попасть в современный мир, жить в сиянии будущего. Наконец Линде удалось устроиться в более престижный ресторан «Маленькая Италия» в Кота-Кинабалу*. Зарплата там была такой же, но зато в заведении обедали туристы, а это значило, что девушка могла совершенствовать свой английский.

[11]

Почти все туристы там были такие, как Нейт, канадец, только что окончивший колледж и решивший перед выходом на работу попутешествовать по Малайзии.

— Поедем со мной в Сингапур, — предложил он Линде.

Линда с радостью согласилась, и мир вокруг нее раздвинул свои горизонты. Между молодыми людьми случился роман, и Нейт, уезжая домой, обещал вернуться осенью. Линда скорее мечтала, чем на самом деле верила, что Нейт сдержит слово. Когда же он действительно вернулся и позвал Линду жить к себе в Ванкувер, на другой конец мира, девушка испытала настоящий культурный шок. Этот канадский город переживал тогда не лучшие времена и немного разочаровал Линду, которая думала, что все населенные пункты Северной Америки похожи на черно-белые картинки из «Улицы Сезам».

Несколько лет спустя, преодолев много тысяч миль, Линда вернулась в Малайзию. Теперь она была без пяти минут гражданка Канады и привезла матери в подарок ноутбук. Девушка вышла в интернет через ненадежный телефонный коммутатор и открыла маме чудо под названием Google.

— Он покажет тебе все, — сказала Линда. На экране в это время замелькали кадры видеоклипов со знаменитостями. — Сейчас ты увидишь дом, в котором я живу в Канаде.

* Город на северо-западном побережье острова Борнео, столица штата Сабах. Это основной пункт доступа туристов, посещающих штат Сабах и остров Борнео в Восточной Малайзии. *Прим. ред.*

[12]

Несколько нажатий клавиш — и на мониторе появилась карта мира. Линда, увеличив масштаб, показала матери сначала Канаду, потом провинцию Британская Колумбия, Ванкувер, его восточную часть и наконец квартал, в котором они жили с Нейтом.

— Вот, — сказала она, ткнув пальцем в крышу дома. — Здесь я живу. Это мой дом.

Мать сначала не поняла, о чем идет речь, и Линда еще раз все ей объяснила.

— Он может показать тебе все.

— Эта штука может показать мне все? — спросила мать, подавшись вперед. Глаза ее загорелись в ожидании чуда.

— Все. Что ты хочешь увидеть?

Женщина расплакалась.

— Покажи, как живет моя мама на том свете.

ЧАСТЬ

Труба зовет

*Мы-то думали, что открыли пещеру,
полную умопомрачительных сокровищ.
Мы вышли из пещеры на свет и увидели,
что все взятые нами драгоценности
фальшивые — они оказались простыми
стекляшками, — но все же в темноте они
сияли неподражаемым блеском
настоящих сокровищ.*

МОРИС МЕТЕРЛИНК

Одно убивает другое

*Технология не хороша и не плоха,
но и нейтральной ее не назовешь.*

Мелвин Кранцберг*

Пройдет немного времени, и люди не смогут понять, как они раньше жили без интернета. Что означает этот неизбежный факт?

Для миллиардов наших потомков он не будет значить ничего особенного. Онлайн-овые технологии в целом станут чем-то вроде основополагающего мифа — феноменом, в существовании которого люди едва ли будут отдавать себе отчет. Всемирная сеть станет обыденным и поэтому малозаметным явлением. Предыдущие поколения были очарованы телевидением, и длилось это до тех пор, пока телевизоры не появились в каждом доме и не стали создавать тот приятный ненавязчивый фон, который ранее формировали радиоприемники. А будущие поколения будут настолько погружены в интернет, что вопрос о его цели и смысле отпадет сам собой. Из жизни человечества исчезнет что-то очень существенное — тип мышления, который мы, их

* Мелвин Кранцберг (1917–1995) — один из ведущих мировых историков технологии.
Прим. ред.

предки, считаем само собой разумеющимся. Но едва ли потомки заметят пропажу. И нам не стоит их за это винить.

[16] Однако нам посчастливилось жить в уникальное время: мы успели застать доинтернетовскую эпоху, а теперь активно пользуемся всеми благами вездесущего интернета.

Таков этот необыкновенный «миг между прошлым и будущим». Осознание его уникальности то и дело появляется в нашей жизни. Мы замечаем, что, стоя на автобусной остановке, рассеянно тянемся за телефоном. А наш приятель в середине разговора начинает рыться в кармане, чтобы достать телефон, заглянуть в Google и что-то вспомнить. Мы еще можем спохватиться. Мы говорим себе: «Постой-ка...»

Думаю, что в суматохе изменений, которые мы сейчас переживаем, есть одно серьезное отличие, и именно его будет трудно постичь грядущим поколениям. Это конец уединению — утрата эффекта отсутствия. Мечтательная тишина в нашей жизни заполнена, жгучего одиночества больше не существует.

Но до того как сотрется всякое воспоминание об этой потере, продлится тот короткий миг, когда мы будем помнить, что же было «до». Мы еще можем что-то сделать с теми малыми, почти незаметными мгновениями, когда вспоминаем о нашей любви к уединению. Эти воспоминания неожиданно всплывают среди потока ежедневных дел и словно сигнализируют: «Подожди, а разве не было?..»

Меня потряс один из таких моментов. Это случилось в редакции журнала «Ванкувер». Много лет я проработал там редактором и штатным автором. Теперь таких людей называют «создатель контента».

* * *

Итак, я еду в автобусе номер десять по Гранвиль-стрит. Я опаздываю на работу. Из окна вижу небо цвета бронзы и облизываю пальцы, облитые кофе, купленным в «Старбаксе». Интересно, насколько я опоздаю? Вариант первый: на десять минут, что не только не порицается, а даже поощряется. Вариант второй: на двадцать минут, что уже может вызвать недовольство и язвительные замечания.

Увы, неизбежен второй вариант. Жизнерадостный стажер улыбается: «Значит, вы все-таки решили присоединиться к нам?» Я слышу эти слова, пробегая мимо его рабочего места к своей норе. Улыбаюсь, чтобы не показаться неучтивым, но шаг не замедляю. Остановка чревата приглашением «на кофе», а это означает, что стажер попросит профессионального совета. Такие разговоры меня угнетают, ибо стажеры отличаются непомерными и малоизученными амбициями. Они попадают в издательства с факультетов журналистики, ожидая, что стажировка откроет им путь в журналы и газеты, и при этом не верят в искренность, которую буквально источают наши изможденные лица.

[17]

Наша профессия больна. Каждый журнал, как большой грузовой корабль, стонет от попытки совершить быстрый маневр, чтобы приспособиться к сетевой жизни, — но делает он это очень медленно. Некоторые издательства трещат по швам, другие закрывают свои корпункты в других странах, все теряют аппетит, отделы продаж, понукаемые отчаянием издателей, все сильнее размывают границу между рекламными и редакционными статьями. (Когда в разговоре с одной дамой, шефом отдела продаж, я затронул старую концепцию о церкви и государстве*, она прощелбетала: «О да, мы и церковь, и государство, но в очень карикатурном виде».)

Мы не хотим видеть того, что начертано на стене**. Я начал работать редактором в «Ванкувере» в 2008 году, незадолго до глобальной рецессии, которая углубила подкоп под фундамент профессии. В Монреале уволили треть персонала, а тем временем появление цифровых технологий значительно прибавляло работы, которую нам с неохотой приходилось выполнять. Десять лет назад ни один главный редактор журнала не мог даже вообразить,

* Вероятно, автор имеет в виду византийскую концепцию взаимоотношений церкви и государства, называемую также «симфония» церкви и государства. *Прим. ред.*

** По библейскому преданию во время пиршества вавилонского царя Валтасара и поругания им священных сосудов, принесенных из иерусалимского храма, появилась кисть человеческой руки, которая начертала на стене какие-то слова. Никто из вавилонских мудрецов не мог прочитать написанного. Призвали пророка Даниила. Он разъяснил значение слов: царство твое Бог исчислил, ты взвешен на весах. То есть имелось в виду: в тебе недостает того, за что можно было бы продлить твое существование, и твое царство разделяется. *Прим. ред.*

что будет сидеть в Twitter или строчить комментарии в Facebook. Но теперь мы делаем это, обрабатывая, а не создавая содержание. Большую часть жизни мы тратим на перемалывание электронного вздора, уставившись в светящийся экран.

После редакционной летучки, на которой прозвучало, что наш аватар в Twitter недостаточно «эффектен», я возвращаюсь в свою конуру и открываю окна на двух мониторах, постоянно светящихся на моем столе. Я начинаю писать маленькую заметку о «Цирк дю Солей», но ее размер тотчас уменьшают на семьдесят пять слов, прислав через iChat видео с Андерсоном Купером*. Пока я смотрю ролик, открывается другое окно iChat. Это главный редактор требует, чтобы я открыл почтовый ящик и нашел какое-то старое письмо. Тем временем на другой аккаунт пришло письмо от мамы. Она просит принести с собой ее любимый салат, когда я приду к ней завтра ужинать. И так далее, и все в том же духе. В течение десяти минут я поучаствовал в дюжине цифровых взаимодействий, но ни одно из них не было исчерпывающим. Появляется стажер-шутник с каким-то вопросом. Я отвечаю довольно сухо, потому что этот парень представляется мне очередным окном на мониторе, которое хочется поскорее закрыть. Еще в 1998 году писательница Линда Стоун определила состояние, в котором я сейчас пребываю, как «состояние частичного внимания». Оно изнуряет, и мне приходится пребывать в нем ежедневно.

Большинство сотрудников нашего журнала, наверное, сойдут с ума, если нас заставят закончить одно задание, прежде чем приниматься за другое. Я не пропускаю ни единого сигнала, подаваемого компьютером. К тому же надо реагировать на каждый писк моего телефона. Гэри Смолл, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, пишет: «Как только люди привыкают к этому состоянию, они начинают испытывать потребность в постоянном подключении к какой-то информации. Эта включенность питает их “я” и чувство собственной значимости, это чувство становится неотразимым». Вероятно, и я ощущаю свою значимость, откликаясь на все звонки и требования соединения,

* Андерсон Купер — американский журналист, писатель и телеведущий. *Прим. ред.*

которые сыплются на меня как из рога изобилия. Наверное, я действительно очень важная персона. Я всем нужен, без меня невозможно обойтись, я востребован. Но после нескольких лет работы в редакции что-то кардинально изменилось в моем отношении к звонкам. Что же?

[19]

Смолл, между прочим, пишет, что атмосфера маниакальной прерывистости заставляет мои надпочечники вырабатывать в огромных количествах кортизол и адреналин.

В течение короткого времени эти гормоны стресса повышают уровень энергии, усиливают память и обостряют внимание. Но потом они же нарушают познавательные способности, приводят к депрессии и повреждают нейронные цепи гиппокампа, миндалины и префронтальной коры — то есть участки мозга, отвечающие за настроение и мышление. Хроническое, длительное переутомление мозга, вызванное современными технологиями, может привести к морфологическим (то есть органическим) изменениям его глубинных структур.

Техногенное мозговое истощение. Так можно назвать это состояние. В тот же день я заставил себя отвлечься и посчитал количество окон, открытых на мониторах. Их оказалось четырнадцать. Пока я считал, запыликал телефон и выдал следующее сообщение: «Старик, ты жив или как?»

Это послание от соскучившегося друга, но в моем текущем состоянии вопрос прозвучал очень серьезно. *Я жив или как?*

Не ответив на сообщение, я включил в телефоне функцию фотоаппарата и сфотографировал все мои мониторы, заполненные почтовыми сообщениями, файлами Word и архивами pdf. «Никогда не забывай, что тебе это *не нужно*, — внушал я себе. — Не забывай, что ты живешь в экосистеме, которая специально предназначена для того, чтобы тебя уничтожить, сесть тебе на шею, если ты дашь слабину и прогнешься под нее».

Незадолго до того, как руководство журнала вполтину сократило площадь кабинетов под предлогом уплотнения, чтобы выручить деньги за субаренду, я уволился.

[20]

И у меня появилась удручающая масса свободного времени. Я заполнял его чтением о временах, удивительно напоминавших нашу эпоху. Я читал о 1450 годе, когда немецкий патриций по имени Иоганн Гутенберг после многолетних опытов с расплавленным свинцом и оловом, наделав кучу долгов, изобрел наконец печатный станок с подвижными литерами.

Подобно интернету, машина Гутенберга сделала многие профессии смешными или ненужными (например, профессию переписчика). Но гораздо больше перемен произошло не в цехе закаленных копиистов. Как только качество и скорость печати достигли определенного уровня, случилось то, что сейчас назвали бы бумом передачи данных. Например, проповедь, произнесенную в Париже, можно было отлично воспроизвести в Лионе. (Улучшилось и продвижение брендов: подданные впервые узнавали, как выглядели их короли.) Такая согласованность заложила фундамент невероятного рывка, совершенного наукой и техникой. Теперь научный мир, разбросанный по разным городам и странам, превратился в клуб непрерывного общения, где ученые и властители опирались на работы друг друга, а не повторяли их*. По мере усиления своего влияния печатный пресс уничтожил монополию на знание, чем воспользовался Мартин Лютер, чтобы сотрясти основы католической церкви. Следующим этапом разрушения монополии стала эпоха Просвещения.

Были у печатного станка и жертвы. Его дешевая и многочисленная продукция уничтожила целые пласты жизни — от декламации эпических поэм** до безусловного авторитета тех немногих, кто мог позволить себе приобретение рукописных изданий.

* Элизабет Эйзенштейн в своей книге *The Printing Press as an Agent of Change* напоминает о том, что французский писатель XVI века Мишель Монтень, сидя дома, имел доступ к большему числу книг, чем ученые прежних веков, которые искали знаний, странствуя по миру.

** Метрика и формы эпической поэзии на самом деле служили для облегчения ее запоминания. Метрическая организация позволяла декламаторам держать в памяти огромные куски поэм. Карл Маркс писал в работе «Немецкая идеология»: «Появление печатного станка отнюдь не означает неизбежного исчезновения декламации, пения или рассказа; но не означает ли книгопечатание исчезновение условий, необходимых для возникновения эпической поэзии?»

В романе Блейка Моррисона «Оправдание Иоганна Гутенберга» (The Justification of Johann Gutenberg) приводится вымышленный диалог Гутенберга с аббатом. Спор касается не содержания печатных книг, а того, *как* люди их читают. Аббат восклицает: «Слово Божье должны толковать священнослужители, его нельзя развозить по домам, как навоз»*. Само обилие печатной продукции, ее способность свободно распространять знания и дешевизна, делавшая напечатанное достоянием масс, представляли опасность для католической церкви и серьезно подрывали основания культуры. Тем не менее в течение нескольких десятилетий после 1450 года печатный станок произвел лишь количественные изменения в обществе (стало больше книг). Ограниченный рынок, отсутствие мобильности населения и почти поголовная неграмотность мешали раскрытию истинного потенциала книгопечатания. А мы сейчас, после изобретения интернета, переживаем *качественные* перемены. Сетевые технологии мгновенно и радикально изменили нашу судьбу.

[21]

Для человека быть участником столь быстрого изменения — это нечто исключительное и чрезвычайное. В конце концов перемены, произведенные Гутенбергом, не произошли *моментально*. Человеческой жизни не хватало, чтобы стать их свидетелем. Понадобилась целая *эра*, несколько столетий, прежде чем оказались раскрыты все возможности книгопечатания. Вплоть до XIX века Англия не отличалась всеобщей грамотностью населения, поэтому *большая* часть жителей страны практически не имела дела с печатными книгами. Да и сам печатный станок не сильно изменился за первые триста пятьдесят лет своего существования.

Но сегодня все иначе: *одно* убивает *другое*. Наш опыт укладывается в миг, а не в эру, поэтому ученые-историки, занимающиеся

* История изобилует примерами технологий, тиражировавших текст и тем самым подрывавших монополию на знание в Европе и на других континентах. Джон Мэн пишет в своей книге The Gutenberg Revolution о корейском императоре Седжоне Великом (см. главу 4 книги), который в 1443 году ввел в стране новый упрощенный алфавит хангыль, приведший в ужас корейскую аристократию, изо всех сил воспротивившуюся его принятию.

[22]

XV веком, могут лишь отчасти сравнивать тогдашние события с тем, что мы испытываем сейчас. В процессе написания этой книги я консультировался с нейробиологами, психиатрами, гуру технологий, профессорами литературы, психологами, компьютерными специалистами и многими другими экспертами, жаждавшими поделиться воспоминаниями о своих героических свершениях. Эти люди, шедшие по жизни своими путями, пересеклись, наконец, в одной точке под названием «конец уединению». Эта тема постоянно возникала в наших разговорах. Каждый эксперт, ученый, друг, с которым я беседовал, носил в кармане устройство, способное донести до своего владельца всю сутолоку этого мира. Но мысль об уединении ностальгически звучала в откровениях этих людей.

* * *

Возможно, мы никогда не сможем понять истинный масштаб влияния изобретения Иоганна Гутенберга. Ведь изменения были настолько тотальными, что практически стали теми очками, сквозь которые мы все смотрим на мир. Преимущества книгопечатания колоссальны, они оказали огромное воздействие на нашу жизнь. Но мы забываем, что каждая революция в коммуникационных технологиях — от папируса и печатного станка до Twitter — это не только возможность прийти к чему-то, но и вынужденная утрата чего-то.

Маршалл Маклюэн писал в книге «Понимание Медиа»*, что «новое коммуникационное средство никогда не является простым дополнением к старым и никогда не оставляет их прежними». Успешное новое средство коммуникации активно подчиняет себе существовавшие до него. Оно «никогда не прекращает подавления старых средств до тех пор, пока не найдет для них новые формы и ниши». Таким образом, уничтожение журнальных и газетных редакций, огромное число безработных авторов и издателей, ведущих теперь блоги и сетующих на судьбу в кафе по всему миру, — это неслучайные потери в битве на рынке труда. Наоборот, все это симптом более глубокого бедствия.

* М. : Кучково поле, 2011.

Когда мы с восторгом принимаем в объятия дары новых технологий, мы обычно забываем спросить, чего они потребуют взамен — какую плату придется вносить в их кассы за эти чудесные услуги. Мы, например, не замечаем, что в нашем рабочем расписании исчезли свободные промежутки, потому что мы слишком заняты, восторгаясь заполнившими их развлечениями. Мы забыли об играх, появившихся на свет благодаря детской скуке, потому что сама скука оказалась вне закона. Но почему необходимо обратить внимание на то, что приходит конец одиночеству, незнанию, нехватке? Почему нас должно тревожить исчезновение уединения?

Чем больше я задумывался об этом сейсмическом сдвиге в нашей жизни — о стремительном движении к сетевому опыту, прочь от более редких, но конкретных вещей, — тем сильнее мне хотелось понять природу этого явления. Как мы ощущаем жизнь, переживая на своем опыте ситуацию Гутенберга? Как это *ощущается* людьми, живущими в уникальный исторический момент, когда есть опыт существования с интернетом и без него?

Если мы постараемся понять суть этого возмутителя спокойствия, а потом *назовем* все фрагменты новой игры (и те, что хотим оставить, и те, от которых неплохо бы избавиться), то сможем ли мы сохранить важные аспекты нашей прошлой жизни, которые в противном случае исчезнут навсегда? Или мы напрочь забудем ценность этой утраты и будем видеть лишь совокупность новых приобретений? Нам уже и не вспомнить, что так нравилось в уединении, мы даже не просим вернуть его.

Чтобы осознать уникальность нашего нынешнего затруднения и понять, как не потерять себя в современной жизни, надо искать ответы во всех закоулках собственного жизненного опыта. Но вопросы, на которые надо ответить, столь же просты, сколь и неотложны:

Что мы хотим взять с собой?

Какие ценности мы бездумно оставляем в прошлом?

Ответы на последний вопрос были мне до боли ясны, когда я сидел перед мониторами в редакции журнала «Ванкувер».

Я оставил в прошлом ощущение одиночества. Когда на поверхность мониторов обрушивалась буря цифровых сообщений, мне отчаянно хотелось скрыться в какое-нибудь надежное убежище. Я испытывал почти физическое отвращение к этому натиску. Мне хотелось сесть за пустой деревянный стол и сделать что-нибудь реальное. Мне хотелось погулять по безлюдному лесу. Мне хотелось избавиться от мучительного, как мигрень, непрерывного общения, от сигналов о приходящих на телефон SMS, избавиться от любой коммуникации.

Каким-то неведомым образом я утратил мою прежнюю спокойную жизнь. Но теперь мне захотелось ее вернуть.

* * *

Если вы родились до 1985 года, то знаете, как жили люди без интернета и как живут с ним. Вы совершаете паломничество от «до» к «после». (Более молодым не посчастливилось во взрослом состоянии пожить в эпоху «до интернета».) Те из нас, кто принадлежит к переходному поколению, кто одной ногой стоит в цифровом пруду, а другой — на его берегу, испытывают странные муки акклиматизации. Мы — цифровые иммигранты, поэтому не всегда считаем наш новый мир достаточно приветливым. Выражение «цифровой иммигрант» не кажется мне слишком удачным. Ведь предполагается, что иммигрант, меняя страну, улучшает условия своего проживания или спасается от преследований. Что же касается меня и моих сверстников, то мы предпочитаем искать пристанища в стране нашей юности.

Если вдуматься, то наше положение — уникальный дар. Раз мы — последние из могикан, знающих, какой была жизнь до интернета, то мы и единственные, кто умеет говорить на обоих языках. Мы единственные переводчики с языка «до» на язык «после». Наши дети так же мало способны ценить жизнь в сети, как мы — изменения, вызванные печатным станком Гутенберга в XV веке (или, допустим, изобретением письменности). Некоторые новшества — это больше, чем просто конкретные приспособления, они меняют саму атмосферу бытия. Но разве кто-то замечает воздух?

Начиная работу над этой книгой, я беседовал с известным историком культуры Альберто Мангелем*, который в свои шестьдесят пять лет сумел избежать напасти цифровой иммиграции. Больше всего мне хотелось знать, как этот человек, написавший «Историю чтения»**, относится к расползающемуся господству компьютерных текстов. «Могу поделиться только личным впечатлением», — сказал он.

Мой опыт работы с компьютерными текстами можно считать более чем поверхностным, ибо этот текст для меня лишен физической реальности. Кроме того, электронный текст навязывает ритм и быстроту чтения, а это совсем не то, чего я от него жду.

Аналогичные проблемы Мангель испытывает, когда пишет при помощи электронных средств. За компьютером он постоянно «чувствует присутствие инструмента», который ему приходится использовать, в то время как ручка — это всего лишь нейтральное продолжение собственного тела и ума. Мало того, компьютерный текст всегда представляется чем-то вполне законченным — редактирование его остается невидимым. «Вы не видите историю текста, — говорит Мангель. — Это настоящая трагедия, что написанные в наши дни тексты существуют только в присутствии читателя. Они не имеют прошлого. У этих книг нет биографии». Но, как и многие его ровесники, Мангель охотно допускает, что это чисто ностальгические переживания и подобное беспокойство будет чуждо следующему поколению.

Конец этих переживаний отнюдь не означает утрату их ценности. Многие умные люди содрогались от новых средств коммуникации, и этот ужас, вероятно, покажется будущим поколениям чудачеством. Жан Кокто*** считал, что радио — это

* Альберто Мангель — канадский писатель, журналист, переводчик. *Прим. ред.*

** Екатеринбург : У-Фактория, 2008.

*** Жан Кокто (1889–1963) — французский писатель, поэт, драматург, художник и кинорежиссер. Один из крупнейших деятелей французской литературы XX века. *Прим. ред.*

[26]

«труба, из которой изливается глупость», разлагающая умы современников. В дневнике за 1951 год он писал: «Некоторые удивляются: как разум нации сопротивляется воздействию радио. Тут нечему удивляться, он не сопротивляется». Граучо Маркс* говорил, что телевидение и в самом деле способствует образованию, «ибо как только в доме включают телевизор, я выхожу в другую комнату, чтобы почитать». Пикассо считал компьютер совершенно бесполезным, потому что он дает только ответы. Конечно, эти обвинения давно вышли из моды и их можно счесть наивными, но я бы не стал списывать их со счетов. Для тех из нас, кто вынужден сталкиваться с цифровой жизнью, старомодная тональность нашего дискомфорта является доказательством того, что мы понимаем разницу, недоступную следующим поколениям.

* * *

Если мы поймем разницу между жизнью во всемирной сети и вне ее, то сможем оставаться нейтральными и извлекать пользу и удовольствие в обоих случаях. Это вовсе не сизифов труд. Изменения появились сразу после того, как я взялся за написание книги. Когда-то я был абсолютным пленником электронной почты, но потом незаметно для себя начал все реже заглядывать в почтовый ящик и сейчас смотрю туда не чаще трех раз в день. Выходя из дома, я стал чаще забывать мобильный телефон. Обсуждая эту книгу с друзьями, я обнаружил, что они пытаются действовать так же.

Конечно, это делали не все. Некоторые были буквально оскорблены моей попыткой соскочить с технологической иглы. И это прекрасно. В конце концов, не все же считают это проблемой, которую надо срочно решать. Не каждый ощущает удушающую тяжесть этого явления. Но для тех, кто все понимает, необходима отдушина, глоток свежего воздуха, какая-то реакция, облегчающая жизнь. Возможно, думал я, вооружившись мнением ведущих мировых экспертов и хотя бы минимальной решимостью, мы сможем защитить ранимую часть нашей психики.

* Джулиус «Граучо» Маркс (1890–1977) — американский актер, комик, участник комик-труппы, известной как «Братья Маркс». *Прим. ред.*

Таким образом, нельзя сказать, что эта книга целиком основана на критике технологий. Новые технологии порождают поразительные аббревиатуры, ускоряющие жизнь, и занимаются этим еще со времен наших предков, которые, глядя на свои обнаженные тела, думали: наверное, мы способны на что-то большее. Колесо, презерватив, космическая станция стоимостью 150 миллиардов долларов — все эти орудия и инструменты есть блистательные примеры расширения пределов нашей воли. Изобретенные нами приспособления укорачивают дистанцию между проблемой (это животное не хочет быть съеденным) и ее решением (а прихлопнем-ка его дубиной). Наше желание взять в руки инструмент — это доброе и, более того, вполне естественное побуждение. А тех, кто сомневается, что всякое технологическое развитие делает нас счастливее и умнее, можно считать наследниками луддитов*. Попробуйте заговорить о всепроникающем господстве технологий в каком-нибудь более серьезном диалоге, чем болтовня в кафе, и вас быстро обвинят в «панических настроениях». Это выражение употребляют, когда хотят утвердить непреложный моральный императив: «нельзя поддаваться панике».

Технологии сами по себе находятся вне моральных и нравственных категорий. Они не злы и не добры, но опасны и любимы. Это та опасность, в которую мы влюблены уже многие тысячелетия. Но мы редко вспоминаем о том, что, например, цель человеческих отношений может выходить за рамки эффективной передачи информации. (Если в ближайшие годы мы уничтожим сами себя, то произойдет это не из-за недостатка коммуникации, а скорее от неспособности к более утонченным способам общения.) Тем не менее преданность коммуникации, при которой технологии являются посредниками — то есть неумное стремление сделать жизнь максимально открытой, — очень часто ошеломляет и оглушает нас самих.

Рассмотрим нашу неумную страсть к онлайн-активности. К 2012 году человечество посылало запросы в Google более чем

* Луддиты — участники стихийных протестов, проходивших в конце XVIII — начале XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. Они считали, что их рабочим местам угрожает опасность. Часто протест выражался в погромах и разрушении машин и оборудования. *Прим. ред.*

по триллиону раз в год (на 146 языках!). Каждый день люди отправляют друг другу 144 миллиарда электронных писем. В 2013 году мы ежедневно ставили лайки 4,5 миллиарда сообщений в Facebook. (Правда, в том же Facebook нет возможности высказать кому-то свое неудовольствие [dislike].) Каждую минуту мы загружали сто часов видео на YouTube. А каждую секунду — 637 фотографий в Instagram. Содержание нашего многогранного сетевого существования приняло такие монументальные формы, что мы не можем отмахнуться от него, как от какого-то незначительного дополнения к реальной жизни.

Головокружительная быстрота, с которой цифровые технологии охватывают мир, вызывает оторопь: за прошедшее десятилетие количество пользователей интернета возросло на 566 процентов. По некоторым подсчетам, в сети сейчас находится до 40 процентов населения земного шара. Общественно-бытовая среда воспитывает массовое поведение — половина пользователей интернета общаются с друзьями и родственниками в Facebook, при этом американцы делают это в 59 процентах случаев (а студенты колледжей — в 93 процентах). Я не пользуюсь Facebook и поэтому не знаю, как обстоят дела в отношении таких исключительно важных вещей, как свадьба, переезд, рождение и смерть. В Малайзии, где родилась Линда, о которой шла речь в прологе, Facebook популярен у 70 процентов пользователей интернета (не в последнюю очередь благодаря дешевизне такого общения).

Масса времени, посвящаемого электронным устройствам, означает, что мы отрываем его от других аспектов нашей жизни. Мы утешаемся тем, что, отвлекаясь на телефон или планшет, заглядывая в электронную почту или YouTube, тратим всего лишь секунды. Но подсчитано: в 2012 году американцы ежемесячно расходовали на соединение с интернетом 520 миллиардов драгоценных минут. Этот показатель превысил показатели предыдущего года более чем на 100 миллиардов минут.

Надо помнить: это не просто количественное раздувание того, что было прежде. Подобно письменности, часам и печатному станку, интернет и клан его верных оруженосцев весьма неразборчивы в изменениях правил игры по ходу самой игры.

Интернет не просто обогащает наш жизненный опыт, он им становится. Об этом рассказала в интервью *New York Times* специалист по физиологии синапсов*, профессор Оксфордского университета Сьюзен Гринфилд:

[29]

Автомобиль или самолет позволяет вам путешествовать быстрее и на более дальние расстояния. Меня беспокоит то, что современные технологии перестали быть средством и начинают превращаться в цель. [Интернет] становится целью в себе и для себя.

Но как нам описать эту цель? Как выясняется, бо́льшая часть нашей изобретательности проистекает из стремления. А затем воплощает в жизнь желание прибрать к рукам окружающий мир. Открытие магнетизма привело к созданию компаса, благодаря которому стали возможны дальние морские путешествия. Изобретение Джеймсом Уаттом** в 1765 году современной паровой машины сократило расстояния. Телеграф, трансатлантический кабель и телефон затянули петлю аркана, который приближает к нам голоса наших возлюбленных, товарищей и поставщиков новостей. Подвижные картинки, появившиеся в конце XIX века, запечатлели образы мира и явили их взору восхищенной публики, сидевшей в темноте зрительного зала.

Мы втиснули мир в нашу короткую и маленькую жизнь. Но, как всегда, в давке появляются жертвы.

* * *

В романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» (действие которого происходит в 1482 году, во времена короля Людовика XI, когда во Франции появилось книгопечатание) есть эпизод: архидьякон Клод Фролло смотрит на первую печатную книгу

* Синапс — место контакта между двумя нейронами. Служит для передачи нервного импульса между клетками. *Прим. ред.*

** Джеймс Уатт (1736–1819) — шотландский инженер, изобретатель-механик. Его именем названа единица мощности (ватт). Усовершенствовал паровую машину Ньюкомена. Изобрел универсальную паровую машину двойного действия. Работы Уатта положили начало промышленной революции вначале в Англии, а затем и во всем мире. *Прим. ред.*

[30]

с восхищением и одновременно возмущается ее качеством. Стоя возле собора Парижской Богоматери и глядя на его стены, он говорит: *Ceci tuera cela* («Одно убьет другое»). Как может книга убить собор? Здесь имеет место синекдоха*: печатный станок (привод демократии, помощник Мартина Лютера) убьет католическую церковь. Если понимать это высказывание еще буквально, то можно сказать, что печатная книга — более гибкое средство передачи смыслов, чем великие архитектурные деяния (такие как собор Парижской Богоматери), которые стояли веками и тысячами, как «величественные автографы рода человеческого». Печатное слово разрушает не только устоявшуюся иерархию передачи информации, но и способ познания священного и, как казалось, недоступного простому человеку. Конечно, Гюго (роман был опубликован в 1831 году) мог сделать Фролло провидцем, каковым едва ли мог быть честный парижанин XV века.

Однако пребывание в гуще событий вызывает своеобразную слепоту. Поэтому детали текущего момента, подобного моменту изобретения книгопечатания, остаются для нас отчасти неизвестными. Но мы твердо знаем: каждая новая технология — это предложение улучшить какие-то аспекты нашей жизни. Значит, она неизбежно предлагает нам отказаться от других ее аспектов. То, от чего мы рады отказаться (например, от гибели от черной смерти**), запоминается легче, чем вещи, которые мы хотели бы сохранить (размеренную сельскую жизнь, часы утренней праздности). Чем больше я думаю о временах Гутенберга, тем чаще задаюсь вопросом: от чего он отвлек людей? Каково было тогда это чувство мистической потери, которое постоянно сопровождает нас на пути прогресса? Я продолжал продвигаться назад, к потере ощущения одиночества.

Прошло всего два десятка лет после начала распространения интернета, а мы уже утратили всякую надежду видеть

* Стилистический прием, представляющий собой употребление названия части вместо целого, частного вместо общего и наоборот (частный случай метонимии). *Прим. ред.*

** Черная смерть — пандемия чумы, протекавшей преимущественно в наиболее распространенной бубонной форме, прошедшая в середине XIV века по Азии, Европе и Северной Африке. *Прим. ред.*

нашу тогдашнюю жизнь так же ясно, как Гюго видел жизнь Клода Фролло. Для писателя, который будет творить в 2350 году, определяющие черты нашего времени окажутся очевидными (они будут выкристаллизованы силой редукции исторического рассуждения). А последствия эмиграции в страну интернета, несомненно, будут включать какие-то побочные результаты, о которых мы пока даже не догадываемся и не способны их предсказать. Определенно, мы, блуждая среди обломков нашей взорванной реальности, не можем перечислить все, чего коснулся и что запятнал интернет. Но остановитесь на Таймс-сквер, посмотрите на свой айпад, а потом на здание редакции New York Times (где за последние годы сократили сотни рабочих мест), и вы сможете с полным правом повторить: *Ceci tuera cela*. Самоуверенный историк будущего, вероятно, сможет нарисовать отчетливую картину революции сегодняшнего дня. Но мы, живущие сегодня и находящиеся по обе стороны водораздела поколений, знаем то, чего этот историк никогда не поймет: каково это — жить «до».

[31]

* * *

Мы храним в нашей памяти окончательные версии некоторых жизненных историй. Например, такую.

Я помню то потрясающее беззаботное лето 1999 года, когда я, как многие другие молодые люди, отправился в последнее путешествие без мобильного телефона. Я несколько месяцев бродил по Озерному краю на северо-западе Англии и по Шотландским Гебридам*, не понимая, что никогда больше не испытаю этого чудесного чувства полной оторванности. Я не знал тогда, что никогда больше не буду так надежно отрезан от работы, семьи, друзей. И тем не менее в те далекие девятнадцать лет, отхлебывая пиво и заедая его яблоками, я вовсе не думал, что это завершение чего-то. Я говорил себе: наконец-то я дышу полной грудью, это начало моей настоящей жизни.

* Архипелаг в Атлантическом океане у западных берегов Шотландии. *Прим. ред.*

Я стал единомышленником, пусть и не столь знаменитым, Генри Торо*, написавшего: «Только после того, как мы потеряемся или, другими словами, только после того, как мы потеряем мир, мы начинаем обретать себя, понимать, где наше истинное место, и осознавать всю бесконечность наших отношений».

Подобно Торо и многим молодым людям, пустившимся после окончания средней школы в путешествие — без гидов, но с водителями в рюкзаках, я хотел побыть наедине с собой. Я чувствовал, что в тот момент мне нужно было не налаживание контактов, а установление связи с каким-то глубинным источником. Я не мог описать его словами, но чувствовал, что он находится за пределами жестких рамок, заданных школьными учебниками. Мои дни были заполнены переходами по безлюдным тропинкам, широким равнинам, названия которых я не знал и никогда не узнаю. Вечерами я обсуждал фильмы и политику с незнакомцами в деревенских пивных, а потом, счастливый, уходил дальше, в темнеющие поля вереска.

Я отлично помню тот вереск — множество холмов, покрытых шелестящими цветками. Однажды ночью я повстречал человека с морщинистым обветренным лицом, и он предложил мне присоединиться к нему — плести кровли из вереска. Он предложил стать его учеником и провести на холмистой равнине всю жизнь — рвать по утрам вереск и плести из него водонепроницаемые покрытия. В два часа ночи я согласился, но утром благоразумие возобладало, и я отправился в Хитроу, а оттуда улетел домой.

Четырнадцать лет пролетели как один миг. Теперь земная атмосфера буквально лопается от сигналов более чем шести миллиардов мобильных телефонов. Я пишу эти строки, сидя на потертой деревянной скамье в зале ожидания вокзала канадского города Виннипег. Потягиваю кофе из пластикового стаканчика, ерошу

* Генри Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель. *Прим. ред.*

свои седеющие волосы. Напротив меня сидят четыре подростка в удручающе дорогих футболках. Они торопятся максимально использовать двухчасовой перерыв, чтобы здесь, в городе, пообщаться по электронной почте. (Я решил путешествовать поездом, пользуясь короткими периодами воздержания от интернета в горах и на необъятных канадских равнинах.) Этим ребятам приблизительно столько же лет, сколько мне, когда мое сердце впервые было разбито, на голове еще красовалась буйная копна каштановых волос и я чуть было не стал учеником плетельщика. Они о чем-то изредка переговаривались, но в основном их внимание было занято собственными телефонами.

Согласно исследованию, проведенному Nielsen*, современный среднестатистический подросток умудряется в течение месяца выдать на-гора четыре тысячи текстовых сообщений. Ребятам, сидевшим напротив меня, следовало здорово попотеть, чтобы уложиться в дневную норму. Больше всего меня поразило предельное внимание, с которым они вглядывались в светящиеся экраны. Так люди обычно смотрят на ребенка, сидящего у них на коленях. Конечно, в наше суматошное время и взрослые способны проводить полжизни в подобном рабстве. Но я вспоминал о своих безмятежных скитаниях по сельской глубинке Британии, и вид прикованных к телефонам тинейджеров вызывал у меня содрогание.

Я думаю об этих цифровых аборигенах, не знающих ничего, кроме сетевого мира, о той жизни, которая им уготована. У этих умных и страстных молодых людей, таких же, какими были мы в их возрасте, есть возможность жить одновременно в двух мирах — цифровом (виртуальном) и телесном (реальном). Они могут переходить из одного мира в другой. Но все же интересно, какой из них они выберут, когда жизнь начнет клевать их в темечко (они влюбятся, потеряют родителей и т. д.)? От какого мира они тогда откажутся? Молодые и старые, все мы сегодня сидим на двух

* Nielsen Holdings — ведущая американская социологическая маркетинговая компания. Работает в 108 странах, в том числе в России (с 1989 года). Проводит маркетинговые исследования, направленные на выяснение предпочтений потребителей различных товаров, продуктов и услуг. *Прим. ред.*

[34]

стульях, обитаем как бы в двух реальностях. Устремляясь к обещаниям Google и Facebook о снижении невежества и уменьшении одиночества, мы хотим достичь лучшей жизни. Но при этом забываем о множестве компромиссов, на которые приходится идти, выбрав этот путь.

По залу разносится невнятное объявление, одна из девушек отрывается от телефона и видит, что я пристально смотрю на нее. Она отвечает мне мгновенным взглядом женщины, привыкшей к мужскому вниманию, а потом округляет глаза, недоуменно пожимает плечами и снова склоняется над телефоном.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

